

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.Г. Козинцев

О РОЛИ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИХ МОНГОЛОИДОВ В ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЯПОНИИ (ПО ДАННЫМ КРАНИОСКОПИИ)

Вопрос о происхождении монголоидного компонента, принявшего участие в сложении японского народа, изучался неоднократно, в частности в монографии М.Г. Левина¹. Неясной остается относительная роль местного неолитического населения, создавшего культуру дзёмон, и пришлых групп, проникших в юго-западную Японию из Кореи в эпохи яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.) и кофун (IV–VII вв. н.э.). Нет единства в вопросе о том, были все пришлые группы восточно-монголоидными или же определенная роль принадлежала северным монголоидам. Далее, если на Японских островах происходила метисация различных по происхождению этносов, в чем едва ли можно сомневаться, то как она отразилась на антропологии современных японцев?

Весной 1989 г. мне довелось изучить по высокоинформативной краниоскопической программе, описанной мною во многих работах², обширный материал, хранящийся в разных городах Японии. Полученные результаты были неоднократно изложены в зарубежных журналах³, и то же относится к исчерпывающей для того времени сводке по происхождению айнов⁴. Эти статьи должны были появиться и на русском языке, но «Айнский сборник», для которого они предназначались, в силу ряда причин не был опубликован. Как выяснилось, многим коллегам в нашей стране данные работы остались неизвестными. В настоящей заметке кратко излагаются самые основные выводы, относящиеся только к процессу метисации. Прочие сведения можно найти в указанных статьях. Были изучены следующие группы:

1. Представители культур дзёмон и эпи-дзёмон (в основном поздний неолит — III–I тыс. до н.э.). Выделены две географические подгруппы: а) дзёмон и эпи-дзёмон северной Японии и б) дзёмон южной Японии.

2. Представители культуры яёй южной Японии.

3. Представители культуры кофун южной Японии.

4. Японцы: а) Токио, б) Токио эпохи Эдо, в) южной Японии и г) островов Рюкю. Последняя группа рассматривается отдельно.

5. Айны: а) Хоккайдо, б) Сахалина.

Был также изучен небольшой (в то время) материал охотской культуры, но его мы обсуждать не будем. Недавно этот материал многократно увеличился и был в 2006 г. исследован В.Г. Моисеевым.

Близкая к современности китайская серия, составившаяся из черепов, изученных в Японии и России⁵, получилась весьма сборной. Подавляющая ее часть происходит не из Китая, а из мест, примыкающих к нему с севера и востока (Пхеньян, Владивосток, Улан-Батор), включены сюда и китайские черепа с Тайваня и из Индонезии. Какие-либо сведения, кроме этнической принадлежности, в каталогах отсутствуют. Информация о прочих сериях приведена в моей книге⁶.

Из восьми изученных признаков три оказались связаны на территории Японии (учтено 10 серий) весьма высокой корреляцией на межгрупповом уровне, хотя внутригрупповая связь между ними отсутствует (в нашей литературе такая корреляция называется «исторической»):

Заднескуловая щель — подглазничный узор типа II: -0.94

Заднескуловая щель — надглазничные отверстия: -0.87

Подглазничный узор типа II — надглазничные отверстия: +0.92

Столь тесная связь между морфологически независимыми признаками встречается нечасто и может свидетельствовать лишь об одном — о метисации двух компонентов. Именно по указанным признакам контраст между данными компонентами максимален. Это создает чрезвычайно благоприятную возможность для изучения метисации.

Первый компонент без труда идентифицируется как дзёмонский. Дзёмонцам свойственна самая высокая в мире частота заднескуловой щели и чрезвычайно низкие частоты двух остальных признаков. По сочетанию этих признаков неолитическое население Японии уникально в мировом масштабе. По всем трем ключевым особенностям южные дзёмонцы занимают крайнее место, а северные обнаруживают легкий сдвиг в сторону остальных групп.

Второй компонент несомненно монголоидный. Более точная диагностика наталкивается на трудности, так как данные об изменчивости анализируемых признаков в древних группах с прилегающих территорий отсутствуют. Попытаемся все же уточнить его происхождение, подставляя на его место различные, в основном современные, монголоидные группы, данными о которых мы располагаем. Величину каждого из трех признаков в такой группе примем за 100 %, величину признака в южно-дзёмонской группе, характеризующей аборигенный компонент в наиболее чистом виде, — за ноль, и на этой шкале определим положение каждой из прочих групп. Оценку, усредненную по трем признакам, назовем «монголоидно-дзёмонским индексом» (МДИ).

Будем считать, что модель тем лучше соответствует реальности, чем выше согласованность оценок по отдельным признакам, то есть межгрупповая корреляция между признаками. В качестве «меры несогласованности» (то есть несовпадения оценок монголоидного компонента по трем признакам) для каждой группы с территории Японии примем стандартное отклонение МДИ, а для всей модели в целом — среднее стандартное отклонение (S) для девяти групп, расположенных между двумя полюсами шкалы. Иными словами, критерием пригодности двухкомпонентной модели является степень сохранения межгрупповой корреляции признаков при введении «внешней» группы в качестве гипотетического монголоидного компонента. Всего было рассмотрено десять моделей.

Последовательность величин МДИ почти одинакова во всех моделях: южный дзёмон — северный дзёмон — айны Хоккайдо — айны Сахалина — рюкюцы — яёйцы — кофунцы — южные японцы — японцы Эдо — японцы Токио (лишь в одной модели наблюдаются две незначительные перестановки). Именно эту последовательность, фиксируемую в общих чертах и по другим системам признаков, видимо, и нужно считать реальным градиентом монголоидности на территории Японии. Полученные результаты подтверждают вывод об убывании сходства японцев с дзёмонцами от эпохи яёй до современности.

Однако, с точки зрения соответствия наблюдаемым данным, модели оказались весьма несходны. Величины S для разных моделей, использованных для оценки монголоидного компонента, сильно колеблются. Искомый монголоидный компонент в большинстве случаев явно не совпадает с тем, который представлен в современных звенках, тунгусо-маньчжурских народов Амура (ульчей, орочей, нанайцев, негидальцев), бурят, монголов или индонезийцев (S варьирует от 18 % до 52 %). Лишь для немногих групп эмпирические данные согласуются с этими моделями. Так, сахалинские айны — разумеется, лишь теоретически! — вполне могли бы быть смесью потомков дзёмонцев с ульчами или орочами (данные об ороках отсутствуют).

Иная картина наблюдается при использовании частот признаков в серии прибайкальского неолита. Значение S опускается здесь до 11.5 %. К сожалению, данная серия не особенно информативна из-за высокой хронологической и культурной гетерогенности. Краниоскопический материал пока недостаточен для разбивки этой серии на подгруппы.

Однако еще лучше получается результат, если привлечь китайскую серию. Здесь S равно всего лишь 8.7 %. Это единственная модель, в которой межгрупповая корреляция между тремя признаками не ослабевает по сравнению с внутрияпонской величиной, а остается на том же весьма высоком уровне. Следовательно, полученные данные вполне согласуются с гипотезой о том, что главной причиной антро-

пологических различий между большинством изученных групп с территории Японии является неординарное соотношение аборигенного (дзёмонского) и пришлого (монголоидного) компонентов, причем последний наиболее близок к тому, который присутствует у современных восточных монголоидов — китайцев (данных о корейцах, которые генетически максимально близки к японцам, у нас нет).

Приводим величины МДИ (%), основанные на «китайской» модели, с их стандартными ошибками: южные дзёмонцы — 0, северные дзёмонцы — 8.0 ± 4.6 , айны Хоккайдо — 21.1 ± 2.9 , айны Сахалина — 39.0 ± 7.7 , рюкюусцы — 57.3 ± 8.5 , яёйцы — 58.7 ± 3.7 , кофунцы — 68.0 ± 5.2 , южные японцы — 70.2 ± 3.5 , японцы Эдо — 80.6 ± 0.9 , японцы Токио — 82.6 ± 3.3 , китайцы — 100. Не следует, конечно, приравнять такие оценки к тем, которые подсчитываются по генным частотам. Характер наследуемости анализируемых признаков нам неизвестен, однако известно, что они морфологически независимы, а потому столь высокая согласованность информации по трем независимым показателям заставляет считать полученные цифры достаточно показательными.

Видимо, перед нами один из тех редких случаев, когда процесс метисации можно с довольно высокой надежностью изучать сравнительно простыми методами на небольшом числе высокоинформативных признаков. Необходимость отбора информативных показателей была продемонстрирована не раз, в том числе и на примере японских групп. Так, если брать соматологические признаки наугад, картина получается весьма неотчетливой и не имеет связи с этническими процессами⁷. Но если те же группы изучать по таксономически ценным признакам, результаты оказываются вполне четкими и явно отражают этническую историю⁸.

Конечно, удовлетворительность общего результата не означает пригодности «китайской» модели во всех случаях. Рассмотрим конкретные группы.

Об айнах здесь скажем лишь кратко. Нет никаких сомнений, что они — прямые потомки дзёмонцев, впитавшие в себя монголоидную примесь. Такая же картина наблюдается и по другим системам признаков. Доля монголоидного (скорее всего восточно-монголоидного) компонента у айнов Хоккайдо, по краниоскопическим данным, видимо, около $\frac{1}{5}$, соответственно доля аборигенного (дзёмонского) компонента — $\frac{4}{5}$ (речь, конечно, идет не о современных айнах, а об их предках, живших в XVIII — начале XX в.). Сахалинские айны гораздо монголоиднее, у них доля монголоидного (скорее всего тунгусо-маньчжурского) компонента, судя по полученным цифрам, не ниже $\frac{1}{3}$.

Островитяне Рюкю по целому ряду систем уклоняются от прочих японцев в сторону дзёмонцев и айнов. Это свидетельствует либо о приходе айнов с юга⁹, либо о менее интенсивном притоке монголоидных

иммигрантов (и/или их генов) в заселенные дзёмонцами и их потомками районы крайнего севера и крайнего юга Японии. У рюкюсцев, в отличие от айнов, монголоидный компонент преобладает над дзёмонским и, согласно китайской модели, составляет чуть больше половины.

Примерно таким же было соотношение двух компонентов и у носителей культуры яёй. Хотя последняя и была принесена в южную Японию из Кореи, местный субстрат здесь весьма ощутим. У носителей культуры кофун монголоидный компонент уже превышает $\frac{2}{3}$. Интересно, что все восемь сибирских и центрально-азиатских моделей работают в этом случае лучше, чем китайская. Не свидетельствует ли это об усилении связей населения Японии с североазиатскими или центрально-азиатскими монголоидами в эпоху кофун?

У близких к современности южных японцев МДИ возрастает по сравнению с кофунской эпохой весьма незначительно, тогда как в двух токийских сериях природотощее — МДИ достигает, согласно китайской модели, 81–83 %.

Итак, если допустить, что основной монголоидный компонент у современных японцев — тот же, что и у китайцев, то «нехватка» этого компонента у первых по сравнению со вторыми составляет в среднем от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$. Есть основания считать, что именно такова доля дзёмонского антропологического субстрата в современном японском населении, не считая островитян Рюкю (у которых она значительно выше) и, разумеется, айнов.

Что касается участия южных монголоидов в сложении некоторых японских групп, о чем свидетельствуют соматологические данные¹⁰, то моими результатами такое участие не подтверждается. Никакого тяготения островитян Рюкю и южных японцев к индонезийцам не прослеживается. Впрочем, материала с Сикоку, где, согласно М.Г. Левину, южно-монголоидный компонент ощутимее всего, в моем распоряжении нет.

Проследим динамику монголоидности у японцев и их предков, используя для этого самую лучшую модель — китайскую. Нет пока никаких свидетельств того, что до эпохи яёй происходило сколь-нибудь значительное проникновение монголоидов в Японию (различие между двумя дзёмонскими группами по МДИ может быть случайным). В яёйскую же эпоху на юге страны монголоидный компонент сразу становится преобладающим, что подтверждает вывод об иммиграции значительных масс населения с материка¹¹.

Дальнейшее же нарастание монголоидности было медленным. От эпохи яёй до современности МДИ увеличился на 20 единиц, то есть средняя скорость увеличения была порядка единицы индекса за столетие. Если прибегнуть к очень грубому подсчету и принять, что МДИ дает приблизительное представление о доле иммигрантов (или

их генов), то для наблюдаемого изменения индекса от эпохи яёй до современности разность коэффициентов годового прироста населения у пришлых и аборигенных элементов должна была составлять всего около 0.05 % в год. Аналогичный расчет от периода яёй до периода кофун дает величину 0.08 %.

Эти скромные цифры не согласуются с подсчетами японских демографов, свидетельствующими о том, что распространение интенсивного рисоводческого хозяйства на территории Японии сопровождалось бурным ростом населения. По оценкам С. Коямы, в конце эпохи дзёмон на Японских островах жило около 75,8 тыс. чел., а в конце эпохи кофун — 5.4 млн, т.е. в 70 раз больше¹². Как отмечает К. Ханыхара, это могло быть вызвано либо необычайно высоким для древних эпох естественным приростом (0.43 % в год), либо интенсивной иммиграцией. Аборигенное же население, занимавшееся охотой и собирательством, по тем же оценкам, не только не увеличивалось, но к концу неолита даже сократилось в численности. За несколько веков такие процессы неизбежно привели бы к полному исчезновению следов дзёмонского субстрата в антропологическом составе японцев. Почему же этого не произошло?

Причина, видимо, в том, что уже в яёйскую эпоху происходила интенсивная ассимиляция местных жителей пришельцами. Преобладающая часть аборигенов южной Японии смешалась с колонистами, восприняла у них производящее хозяйство, перестала отличаться от них в культурном отношении и начала вместе с ними увеличиваться в численности. В последующие периоды убыль населения затронула лишь те аборигенные группы, которые не влились в формирующуюся японскую нацию, сохранили присваивающую экономику и сопротивлялись ассимиляции. Видимо, это и были предки айнов. Сходная хозяйственно-демографическая дифференциация происходила у народов Сибири после прихода туда русских¹³.

Мысль о том, что в южной Японии (где в отличие от более северных районов существовали благоприятные условия для рисоводства) имел место массовый переход аборигенов к производящему хозяйству, распространена в археологической литературе¹⁴. Как видим, она вполне подтверждается антропологическими фактами. Есть основания полагать, что выявляемый по краниоскопическим признакам «дзёмонский» сдвиг южных японцев и особенно островитян Рюкю по сравнению с токийцами вызван широкомасштабной ассимиляцией и метисацией на юге страны. Но и токийское население достоверно уклоняется от китайцев в дзёмонском (или, что одно и то же, айнском) направлении, а значит, и у него субстратный компонент, скорее всего принесенный с юга Японии, более чем вероятен.

1. Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М, 1971.
2. Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988; Kozintsev A.G. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. 1992. Vol. 43. № 3. S. 213–244.
3. Kozintsev A.G. Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1990. Vol. 98. № 3. P. 247–267; Kozintsev A.G. Ethnic epigenetics: A new approach...; Kozintsev A.G. Prehistoric and recent populations of Japan: Multivariate of cranioscopic data // Arctic Anthropology. 1992. Vol. 29. № 1. P. 104–111.
4. Kozintsev A.G. Ainu origins in the light of modern physical anthropology // Homo. 1993. Vol. 44. № 2. S. 105–127.
5. Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия...
6. Там же.
7. Kouchi M. Geographic variation in modern Japanese somatometric data and its interpretation // University of Tokyo Museum Bulletin. 1983. Vol. 22. P. 1–102.
8. Левин М.Г. Этническая антропология Японии...
9. Там же.
10. Там же.
11. Hanihara K. Estimation of the number of early migrants to Japan: A simulative study // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1987. Vol. 95. № 4. P. 391–403.
12. Koyama S. Jomon subsistence and population. Senri Ethnological Studies, National Museum of Ethnology. 1979. Vol. 2. P. 1–65; цит. по: Hanihara K. Estimation of the number of early migrants to Japan: A simulative study...
13. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды Ин-та этнографии АН СССР. М., 1960 Т. 55. С. 616.
14. Aikens C.M., Higuchi T. Prehistory of Japan. N.Y., 1982; Akazawa T. Hunter-gatherer adaptation and the transition to food production in Japan // Hunters in Transition. Cambridge, 1986. P. 151–165.

В. Кабо

ТЕНЬ СКАЛЫ

Жанр эссе, стоящий на полдороге между научным исследованием и поэмой в прозе, позволяет дать некоторое место бездоказательной интуиции.

Г. Померани. Долгая дорога истории

В бесконечном многообразии религиозных верований человечества существует нечто общее, что объединяет их и проходит через всю историю. Религия строится на понятии, или ощущении, священного. Священное — универсальная категория общечеловеческого